

Посвящается Мораз

Глава 1

— Ш-ш!

Вайолет Спидуэлл нахмурилась. Почему ее одергивают? Она ведь не проронила ни слова.

Шикнувшая на нее назойливая женщина с копной седых волос как будто нарочно расположилась в арочном проеме, ведущем на клирос, — на любимом месте Вайолет в Уинчестерском соборе. Клирос располагался прямо посередине здания — с одной стороны неф, с другой пресбитерий и пространство за алтарем, короткие плечи северного и южного поперечных нефов, или трансептов, по обе стороны довершали крестообразную конструкцию здания. Другие части собора имели свои изъяны: неф слишком велик, проходы продуваются сквозняками, в трансептах темно, в приделах чересчур благоговейная атмосфера, а пространство за главным алтарем выглядит как-то сиротливо. Зато на клиросе и потолок низкий, и сиденья резные, и все вокруг как-то более соответствует обычным человеческим размерам. Обстановка роскошная, но не слишком, без перебора.

Вайолет бросила быстрый взгляд через плечо распорядительницы. Ей очень хотелось хотя бы на секундочку войти туда и посмотреть, что там происходит. Четверг, но сиденья и скамьи для хора, а также расположенные рядом места пресбитерия заполнены — в основном женщинами. Вайолет не ожидала такого. Должно быть, состоится какая-то особенная

служба. Сегодня 19 мая 1932 года, День святого Дунстана, покровителя золотых дел мастеров и ювелиров. Святой прославился тем, что посрамил самого дьявола, кузнечными клещами схватив его за нос. Но вряд ли лишь это привело в храм сразу столько уинчестерских дам.

Вайолет стала внимательно рассматривать собравшихся, из тех, кого было видно. Женщины любят разглядывать себе подобных, причем куда более критическим взглядом, чем мужчины. Мужчины, например, не обращают внимания на спустившиеся петли на чулках, на губную помаду, тронувшую и зубы, на старомодную или запущенную стрижку или некрасиво поддержнутую на бедрах юбку, на безвкусно-крикливые серьги в ушах. Вайолет отмечала в женщинах каждый изъян, но прекрасно знала и то, что каждый ее дефект тоже берется на заметку. Впрочем, она и сама может их перечислить: волосы блеклые, непонятного цвета, плечи покатые — это считалось стильным давным-давно, еще в Викторианскую эпоху, — голубые глаза посажены так глубоко, что трудно разглядеть, какого они на самом деле цвета, а уж о носе и говорить нечего: когда жарко, или стоит ей выпить хоть глоточек шерри, он сразу становится красным. Словом, недостатков хоть отбавляй, и напоминать о них нужды нет, кому бы ни пришлось это в голову, мужчине или женщине.

Как и распорядительница, охраняющая всех сидящих на клиросе и в пресбитерии, почти все женщины были старше Вайолет. На всех шляпки, большинство в плащах или пальто. День за стенами храма вполне сносный, но внутри довольно прохладно, как и всегда бывает во всех церквях и храмах даже в разгар лета. Каменные стены не нагреваются и не позволяют молящимся расслабиться. Хотя от прохлады чувствуешь себя несколько неуютно, но ведь мо-

литва Господу — дело серьезное. Интересно, думала Вайолет, если бы Господь Бог был архитектором, строил бы Он из ветхозаветных суровых каменных глыб или озаботился мягкой мебелью эпохи Нового Завета?

Они начали петь «Все, кто взыскует покоя в небесах» — дружно, как солдаты в строю, которые отчетливо понимают всю серьезность задачи и значение своего коллектива. Ведь это и был сплоченный коллектив, Вайолет это сразу поняла. Невидимая нить крепко связывала всех этих женщин, объединившихся ради общего дела, каким бы оно ни было. Кроме того, здесь видна была и субординация: две женщины сидели на одной из передних скамеек и явно были их лидерами. Одна улыбалась, другая хмурилась. Та, что хмурилась, оглядывала поющих, переводя взгляд от одной шеренги к другой, словно ставила в уме галочки в списке — кто присутствует, а кого нет, кто поет бодро, а кто тяп-ляп, кому надо будет сделать выговор за недостаточное внимание к происходящему, а кого как-нибудь косвенно и снисходительно похвалить. Вайолет казалось, что она присутствует на школьной линейке.

— А кто это...

— Ш-ш! — Распорядительница еще больше сдвинула брови. — Вам придется подождать.

Это было сказано гораздо громче того, о чем робко попыталась спросить Вайолет, кое-кто из женщин на ближних скамейках повернул к ним голову. Это еще больше распалило распорядительницу.

— Это ведь обряд освящения вышивок, — прошипела она. — Туристам участвовать запрещается.

Вайолет знаком был такой тип людишек: вход от посторонних они всегда охраняют с неподобающим для их положения свирепым усердием. Перед епископом она небось стелется и лебезит, а на остальных смотрит как на невежд и хамов.

Их недолгая перепалка была прервана появлением немолодого мужчины, который направлялся в их сторону по боковому проходу. Видимо, он вышел из пустого заалтарного пространства в восточном крыле собора. Облегченно вздохнув, Вайолет повернулась к нему. Она обратила внимание на его седые волосы и усы, на его решительную, размашистую, хотя и лишённую юношеской энергии походку и занялась подсчётами, которые проделывала, глядя на всякого мужчину. По виду ему было где-то около шестидесяти. Значит, когда началась Первая мировая война... минус восемнадцать лет — ему было сорок с небольшим. Может быть, он и не воевал или, по крайней мере, не вначале, а гораздо позже, когда стало не хватать новобранцев. А может, воевал его сын, если он у него, конечно, был.

Глядя, как мужчина подходит все ближе, распорядительница решительно встала, готовая защищать свою священную территорию от непрошеного вторжения. Но тот, едва скользнув по ней с Вайолет взглядом, прошел мимо и быстрыми шагами стал спускаться вниз, в южный поперечный неф. Интересно, идет ли он к выходу или сейчас повернет к маленькой Рыбацкой часовне, где похоронен Исаак Уолтон?¹ Именно туда Вайолет и направлялась, но ее остановило любопытство, когда она увидела, что здесь будут проводить какую-то особенную церковную службу.

Распорядительница на минутку отошла от арочного прохода, чтобы посмотреть в спину уходящего мужчины. Удобным случаем тут же воспользовалась Вайолет, она проскользнула внутрь, заняла ближайшее свободное место, и как раз вовремя: на-

¹ *Исаак Уолтон* (1593–1683) — английский писатель, наиболее известен как автор трактата о рыбной ловле «Искусный рыболов».

стоятель церкви уже взошел на стоящий посередине клироса амвон, с левой от нее стороны.

— Господь да пребудет с вами! — возгласил он.

— И с духом Твоим! — отозвались вокруг нее женщины в размеренном ритме, столь знакомом по церковным службам.

— Господу помолимся!

Вайолет вместе с другими склонила голову, как вдруг почувствовала, что кто-то ткнул ее пальцем в плечо. Она сделала вид, что не заметила, — не станет же распорядительница прерывать молитву.

— Господь всемогущий, Ты, исстари повелевший так, чтобы святилище Твое убрано было украшениями прекрасными и рукоделиями искуснейшими ради прославления имени Твоего святого и укрепления душ человеческих! Молим Тебя, соблаговоли принять эти дары в руки Твои и устрой так, чтобы мы навсегда посвятили себя служению Тебе, ради Господа нашего Иисуса Христа. Аминь!

Вайолет посмотрела вокруг. Стулья в пресбитерии, как и на клиросе, были развернуты вовнутрь, а не смотрели вперед, по направлению к главному алтарю церкви. По другую сторону, прямо напротив Вайолет, в креслах, обращенных друг к другу, рядами сидели женщины, а на заднем плане виднелась каменная алтарная стенка, украшенная ажурной резьбой в виде арок и причудливых узоров. На самом верху ее стояли погребальные ларцы с мощами епископов и останками королей и королев, к несчастью перемешавшихся между собой во время Гражданской войны, когда сторонники Кромвеля, вероятно, вскрывали ларцы и в беспорядке разбрасывали кости. Во время экскурсии, на которую Вайолет отправилась сразу после того, как переехала в Уинчестер, экскурсовод сообщил, что солдаты швыряли бедренные кости прямо в Большое западное окно

и перебили в нем все витражи. В 1660 году, как только Карла II восстановили на троне, окно тоже было восстановлено — из оставшихся осколков цветного стекла, — но было переделано по-новому, без всяких попыток воссоздать прежние библейские сцены. Тем не менее выглядело окно вполне прилично, как и погребальные ларцы — чистенькие, словно и не подвергшиеся некогда разграблению, они покоились теперь у нее над головой, словно были там всегда и навсегда там останутся. Само здание собора выглядело незыблемым и прочным, хотя в отдельных частях оно не раз разбиралось и восстанавливалось.

Невозможно представить, что в этом добротном и крепком здании, где сейчас они смиренно читают молитву Господню, могли твориться такие ужасы. Но ведь с таким же успехом невозможно было представить, что незыблемая, старая добрая Британия станет воевать с Германией и пошлет на войну умирать так много мужчин. Потом страна снова поднялась из руин, ее собрали воедино, как и Большое западное окно, Британия осталась непокоренной, но след от урона остался.

— С верой в Господа нашего, Иисуса Христа, приносим мы эти дары во славу Божию.

Настоятель протянул руки к главному алтарю, возвышающемуся в дальнем конце пресбитерия. Вайолет повернула туда голову, чтобы увидеть, о каких дарах идет речь, и едва сдержала смех. На ступеньках перед алтарем ровными, плотными рядами лежали десятки подушечек для коленопреклонений.

Она понимала, что смеяться над этим нехорошо. Эти подушечки — дело серьезное. Вайолет всегда была благодарна прямоугольным кожаным подушечкам, размером с детскую книжку с картинками, в церкви Святого Михаила, которую семейство Спидуэлл посещало в Саутгемптоне. Несмотря на то что с годами, за время множества молитв с преклоне-

ниями они износились и превратились в тоненькие, твердые досочки, становиться на них коленками было все же не так холодно, как на каменный пол. Она и подумать не могла, что для них требуется специальное освящение. Так вот, оказывается, чему посвящена эта особая церковная служба.

Вайолет взглянула на часы: она ушла из своей конторы, чтобы купить ленту для печатной машинки, с тайной надеждой успеть забежать по пути в кафе и выпить кофе. Но вместо этого Вайолет решила зайти в собор и заглянуть в Рыбацкую часовню. Ее покойный отец страстно любил рыбную ловлю, и на его прикроватном столике всегда лежала книжка Исаака Уолтона «Искусный рыболлов»... Впрочем, она ни разу не видела, чтобы он читал ее. А вот сейчас Вайолет сомневалась, стоит ли задерживаться и пропускать работу ради этих подушечек.

Молитва закончилась, и снова в плечо ее забарабанил чей-то острый палец. Служба, наверное, будет идти дольше, чем ей понадобится времени на питье кофе или на паломничество к Уолтону, но разве можно допустить, чтобы эта женщина так третировала ее.

— Я тоже участвую в этой службе, — промямлила Вайолет, прежде чем привратница раскрыла рот. Та сморщила лоб.

— Вы что, вышивальщица? Что-то я не видела вас на наших занятиях.

Вайолет никогда не слышала этого слова и не вполне понимала, что оно значит.

— А я новенькая, — быстро соврала она.

— Но этот обряд только для тех, кто уже что-то сделал. Придется подождать до октября, когда будет следующая служба. Тогда вы сможете участвовать, но только если представите свою работу.

Если бы распорядительница тогда не бросила взгляда на левую руку Вайолет, та могла бы согла-

ситься, мол, да, эта служба не для нее, и спокойно уйти. Ведь ей так и так надо уже спешить — купить ленту для печатной машинки и вовремя вернуться в офис. Тем более эти церковные службы частенько бывают скучны, даже в таком великолепном соборе, как Уинчестерский. Но Вайолет претила мысль о том, какое суждение составила о ней распорядительница, увидев, что она не носит обручального кольца. Она не удержалась и в свою очередь посмотрела на левую руку своей недоброжелательницы. Ну да, у нее на пальце, конечно, кольцо есть.

Чтобы набраться храбрости, Вайолет перевела дух.

— А мне сказали, что я могу прийти.

Сердце ее колотилось — так бывало частенько, когда она чувствовала в груди бунтарский дух, не важно, насколько сильный. Например, полгода назад, когда Вайолет сказала матери, что уезжает в Уинчестер, сердце ее так сильно забилося, что ей показалось, оно сейчас выскочит из груди. «Тебе тридцать восемь лет, а ты до сих пор всего боишься», — подумалось ей.

А распорядительница нахмурилась еще больше:

— Кто именно вам это сказал?

Вайолет показала рукой в сторону одной из закутаных в меха женщин, сидящих на клиресе, в алтарной части.

— Миссис Биггинс? Так и сказала, что вам можно прийти? — В первый раз в голосе распорядительницы послышалась некоторая неуверенность.

— Мэйбл, ш-ш! — Теперь и другие пытались утихомирить густо покрасневшую распорядительницу.

В последний раз бросив сердитый взгляд на Вайолет, она отступила и снова встала на страже арочного прохода.

А настоятель меж тем добрался до середины своей речи.

— На протяжении столетий этот великолепный храм, — говорил он, — получал дары в виде множества украшений из дерева или камня, металла или стекла с целью поднять дух тех, кто приходит сюда помолиться, напомнить им здесь о славе Божией, как на земле, так и на небесах. Ко всему этому великолепию теперь прибавились подушечки для коленопреклонений, которые вы видите перед алтарем, — и это только начало масштабного проекта, задуманного для того, чтобы не только создать атмосферу уюта для тех, кто участвует в богослужениях, но и привнести красоту на клирос и в пресбитерий. Коллектив вышивальщиц Уинчестерского кафедрального собора был с моей подачи организован в прошлом году мисс Луизой Песел. Слово «вышивальщица» было заимствовано из названия «Достоимый цех вышивальщиков» — гильдии, учрежденной еще во времена Средневековья. Наш новый коллектив кафедральных вышивальщиц будет служить напоминанием о замечательной истории этого ремесла, возрожденного старанием мисс Песел и соединяющего наше далекое прошлое с настоящим. Сегодня здесь присутствуют многие из членов этого коллектива. Все вы славно потрудились своими иголками, ваши прекрасные вышивки на этих подушечках станут украшением пресбитерия, а скоро вы начнете вышивать и подушки для сидений и скамей, расположенных на клиросе. И мы все увидим не только великолепные цветистые узоры среди наших куда более сдержанных красок дерева и камня, но всем молящимся станет гораздо удобнее преклонять во время молитвы свои колени.

Он помолчал, но улыбка на его губах говорила о том, что оратор сейчас произнесет тонкую, достойную его сана шутку.

— И с таким же успехом подушки на сиденьях, надеюсь, значительно облегчат прихожанам возможность сосредоточить свое внимание на моих проповедях.

По церкви прошелестел сдержанный смех.

Когда настоятель продолжил, Вайолет бросила быстрый взгляд на женщину, что сидела рядом с ней и смеялась менее сдержанно, чем остальные. Лицо ее было худым, угловатым, по форме напоминало длинный равнобедренный треугольник вершиной книзу, от подбородка расширяющийся к вискам, каштановые же волосы были подстрижены так, что образовывали еще один треугольник, стороны которого торчали вдоль щек. Она тут же повернулась к Вайолет, глядя на нее горящими темными глазами, словно взгляд Вайолет явился для нее визитной карточкой.

— А я вас раньше не видела, — прошептала она. — Вы, наверное, из группы, которая по понедельникам? А ваши подушечки там есть?

— Ммм... нет.

— Еще не закончили? А мне удалось завершить работу на прошлой неделе, как раз перед концом приемки. Пришлось бежать через весь город, чтобы успеть. Мисс Песел и миссис Биггинс насчет этого очень строгие. Сдала прямо мисс Песел, лично в руки.

Сидящая спереди женщина повернула голову и прислушалась, и соседка Вайолет сразу замолчала. Но через минуту снова начала, правда уже потише:

— А вы над чем работаете, над подушечкой под коленки?

Вайолет покачала головой.

— А в чем дело, стежки не очень получаются? — Она сочувственно кивнула и продолжила: — Мою

вышивку три раза мне возвращали, пока не приняли. Вас что, заставляют сматывать нитки? Или наводить порядок в шкафах? Там вечно черт ногу сломит, только это ужасно скучно. А может, ведете документацию? Держу пари, что это так.

Женщина бросила взгляд на руки Вайолет, словно хотела найти на пальцах пятна чернил. А заодно, конечно, обручальное кольцо — Вайолет уже успела заметить, что у той кольца на руке нет.

— А я от документации сразу отказалась. У меня ее на работе хватает.

Женщина спереди обернулась.

— Ш-ш! — одернула она.

Вайолет с соседкой обменялись улыбками. Всегда хорошо, преступая закон, иметь подельника, пусть даже слишком ретивого.

Служба наконец неспешно подошла к концу: настоятель закончил свою речь, спели еще один гимн — «О святой Господи, доволен жить...» — были произнесены еще несколько славословий. К тому времени Вайолет уже сильно опаздывала, ей нужно было срочно бежать. И тут ее узколицая соседка спохватилась.

— Меня зовут Джильда Хилл! — выкрикнула она Вайолет вслед.

Вайолет перебежала внешний дворик собора, засеянный зеленой травкой участок, и помчалась по Хай-стрит к канцелярскому магазину Уоррена. Купив ленту для печатной машинки, она поспешила обратно в контору компании «Страхование Южных графств» и влетела туда, запыхавшаяся и красная как рак.

Но спешить не было никакой необходимости: офис машинописного бюро, где она работала вместе с еще двумя машинистками, оказался пуст. В более крупных офисах той же компании в Саутгемптоне,

где Вайолет работала прежде, управляющий относился гораздо строже к тому, что касается прихода, ухода и опозданий подчиненных. А здесь, в крохотном офисе, где все, казалось бы, на виду, можно было предположить, что долгое отсутствие Вайолет будет сразу замечено. Но нет, ничего подобного. Правда, ей не очень-то хотелось получать выговор, но она была даже несколько разочарована тем, что никто не обратил внимания на ее пустой стул, а также на то, что ее черная печатная машинка с белыми клавишами не издает ни звука.

Вайолет оглядела покинутые столы своих подруг по работе. Их звали Олив и Морин, но сами они называли себя проще: «О» и «Мо» — и пронзительно хохотали, отзываясь на эти клички, даже если никто больше не смеялся. Должно быть, сейчас попивают себе чаек на кухне для персонала в конце коридора. Вайолет тоже отчаянно хотелось выпить чашечку с печеньем, чтобы заморить червячка. На обед она съела лишь принесенные с собой сэндвичи с мармайтом и маргарином. Этого ей всегда не хватало, и к середине дня она снова была голодна как волк, поэтому пламя в желудке приходилось гасить чаем. Миссис Спидуэлл была бы потрясена, узнав, что Вайолет ест горячее днем всего только раз в неделю. Больше она не могла себе позволить — хотя матери в этом никогда бы не призналась.

В голове мелькнула мысль: не присоединиться ли к коллегам на кухне. О и Мо — девушки местные, обеим едва перевалило за двадцать, и к Вайолет они относились в целом неплохо. Но они вышли из совсем других слоев общества и смотрели на нее, как на какую-нибудь африканскую фиалку или герань в горшке на подоконнике старой незамужней тетюшки. Обе жили со своей семьей и к деньгам относились легкомысленно — впрочем, как и сама Вайо-

лет совсем недавно. Одна очень хорошенькая, дру- гая попроче — они частенько щеголяли в новых платьях, насколько могли себе это позволить. Жизнь их вращалась вокруг танцплощадок, свиданий с по- ходом в кино, где из вереницы мужчин можно было выбрать жениха. А мужчин их возраста у них было много, и на танцы они ходили не так, как когда-то, сразу после войны, ходила Вайолет, правда всего не- сколько раз. Танцевать ее всегда приглашали муж- чины, годившиеся ей разве что в бабушки, или со- всем желторотые юнцы, или же с такими увечьями, которые уже не вылечишь. А случалось, что мужчин вообще не было, и за неимением партнеров женщи- ны танцевали друг с другом. Стуча на машинках, О и Мо болтали про своих кавалеров и смеялись над ними, словно не было ничего странного в том, что мужчин на всех хватало. За полгода, что работала с ними Вайолет, каждая успела сменить несколь- ко дружков, хотя в последнее время обе стали более серьезно относиться к своим ухажерам. Порой и ве- селое их настроение, и прогнозы насчет этих молодых людей так Вайолет надоедали, что она отправлялась на кухню ставить чайник, даже когда чая совсем не хотелось, она просто сидела, стараясь успокоиться, потом возвращалась в комнату и продолжала печатать. Печатала она быстро, в этом девушкам до нее было далеко, но, кажется, они находили в ее про- фессионализме нечто забавное.

Только один раз Мо задала ей вопрос о том, был ли у нее в жизни парень — «еще тогда».

— Да, — коротко ответила Вайолет, ей не хотелось превращать свои отношения с Лоренсом в анекдот.

Но на этой неделе все было еще хуже. Даже пер- спектива выпить чая с печеньем не могла перевесить страха Вайолет перед необходимостью наблюдать, как маленькая, пышущая здоровьем Олив вытяги-

вает перед собой руку с растопыренными пальцами, чтобы в сотый раз полюбоваться своим помолвочным кольцом. В понедельник она явилась в офис совсем не такая, как раньше, щеголяя новой прической с высоко зачесанными кудряшками и выпячивая от гордости грудь. Она обменялась с Мо, уже сидящей на рабочем месте за своей печатной машинкой, самодовольной и хитрой улыбочкой, потом сняла тонкий шифоновый шарфик, пальто и повесила на крючок.

— Я отлучусь на минутку, мне надо переговорить с мистером Уотерманом.

Олив стащила перчатки, и Вайолет не смогла удержаться и поискала на пальце О колечко — и действительно, там что-то сверкнуло. Бриллиант был крохотный, но ведь это бриллиант!

Высокие каблочки туфелек О — не чета скромным туфлям-лодочкам Вайолет — застучали по коридору. А Мо, та, что поумней, чем ее подруга, но, по общему мнению, не столь привлекательная внешне: с бесцветными волосами, длинным и вечно хмурым личиком, опустила голову, и улыбка ее увяла. Если бы Вайолет в эту минуту была поотзывчивей, она бы обязательно заверила Мо, что нынешний ее молодой человек, немногословный банковский служащий, который пару раз останавливался возле их офиса, наверняка скоро сделает ей предложение. Но Вайолет была не в настроении, затрагивать эту тему ей совсем не хотелось, поэтому она промолчала, оставив Мо томиться и страдать.

С того самого дня, когда О торжествующе выставила напоказ свое колечко, девушки говорили только об этом: о том, как Джо делал предложение — в пабе, опустив колечко на дно стакана с коктейлем из портвейна с лимоном, — о том, как долго придется ждать, чтобы скопить денежек на приличную свадь-

бу — два года! — где состоится свадьба — в том же пабе, — и в чем невеста появится на венчании и свадебном ужине. Подвенечное платье будет, конечно, белое, а не цвета слоновой кости, но лично Вайолет считала, что это ошибка, белый цвет для лица Олив будет слишком ярким. Еще О сообщила о том, где они будут жить — в доме его родителей, пока не смогут купить себе отдельное жилье. Эти разговоры были столь однообразны и банальны, без каких бы то ни было интересных или неожиданных откровений, ни намека на светлые надежды, на мечты о счастье, что Вайолет казалось, она свихнется, если будет слушать все это еще целых два года.

Она закурила, чтобы отвлечься от грустных мыслей, а заодно приглушить голод. Вставила в машинку чистый лист и принялась тупо печатать текст заявления некоего мистера Ричарда Тернера из Бейзингстока на страхование дома, гарантирующее ему компенсацию в случае, если сам дом и все его содержимое будут утрачены при пожаре, наводнении или ином стихийном бедствии. Вайолет обратила внимание на то, что в перечне стихийных бедствий отсутствует слово «война». Интересно, подумала она, понимает ли сам мистер Тернер, что возмещение он получит не при любых обстоятельствах утраты имущества.

Впрочем, думала она в процессе печатания далеко не всегда. Вайолет за всю свою жизнь успела напечатать подобных текстов так много — текстов, в которых говорится о страховании жизни, дома, автомобиля или катера, — что редко вдумывалась в смысл самих слов. Печатание для нее давно стало бездумным, рутинным актом, некой медитацией, успокаивающей ее, погружавшей в состояние полного отсутствия всякой мысли: Вайолет ни о чем не думала, она просто существовала.

ТОНКАЯ НИТЬ

Совсем скоро вернулись О и Мо, их щебет послышался еще в самом конце коридора, прервав ее подобный гипнотическому трансу покой.

— Только после вас, миссис Хилл, — сказала Мо, сделав шаг в сторону и жестом пропуская Олив в открывшуюся дверь.

Обе были в новеньких летних платьях с цветочками: О в платье персикового цвета, Мо — рыжевато-коричневого. Это напомнило Вайолет, что ее простенькому синему хлопчатобумажному платьицу уже исполнилось три года, а заниженная талия на нем давно вышла из моды.

— Ничего не имею против, мисс Уэбстер... и, надеюсь, будущая миссис Ливингстон.

— Не знаю, не знаю, — отозвалась Мо, хотя на личике ее было написано, что она очень этого хочет.

Олив со стуком поставила чашку с чаем возле машинки, пролив немного жидкости на блюдечко.

— А я в этом не сомневаюсь! Ты можешь выйти замуж даже раньше, чем я. И быть у меня на свадьбе не подружкой невесты, а свидетельницей! — Тут она снова вытянула перед собой руку, чтобы полюбоваться колечком.

Вайолет на минутку перестала печатать. Миссис Хилл... Фамилия достаточно распространенная. И все же...

— А у твоего жениха есть сестра? — спросила она.

— Кто, Джильда, что ли? А в чем дело? Ну, есть... высохшая старая дева...

Тут Олив вдруг припомнила, что Вайолет тоже не замужем, и, прикусив язычок, засмеялась. До Вайолет дошло, что О говорит про Джильду пренебрежительным тоном, поэтому она решила, что Джильда Хилл — вполне симпатичная особа.